

Д. А. ГРАНИН

Бегство в Россию

<Фрагмент>

<...>

Наступило 5 марта 1946 года. Хмель победы еще не прошел. По дорогам Германии, Италии продолжали двигаться освобожденные из фашистских концлагерей. Вылавливали переодетых нацистов. Еще умирали в госпиталях раненые, возвращались домой солдаты. В этот день в маленьком американском городке Фултоне выступил Уинстон Черчилль. К тому времени бывший премьер.

Черчилль решил высказать то, что тревожило его и его друзей-американцев, решил переступить через недавнее братство по оружию, скрепленное кровью и заверениями в дружбе.

Прежде всего он сказал об атомной бомбе. Сказал, что производство бомбы находится пока в руках Америки и от этого люди не спят хуже. Но вряд ли они смогут так же спокойно спать, если положение изменится и какое-либо коммунистическое или неофашистское государство освоит ужасную технологию. «Бог пожелал, чтобы это не случилось, и у нас по крайней мере есть передышка, перед тем как эта опасность предстанет перед нами».

Союзники уже знали, что в СССР идет всю работу над бомбой. Черчилль дал это понять и впервые указал на опасность, которая грозит миру. Советскую страну, избавившую мир от фашизма, он объявил главной угрозой всем бывшим союзникам. Кроме того, не постеснялся поставить на одну доску «коммунистическое и какое-либо неофашистское государство»!

Он не называл страну напрямую, он говорило полицейских правительствах, о власти диктаторов узких олигархии, «дей-

ствующих через посредство привилегированной партии и политической коллизии». Но адрес был ясен.

«От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике железный занавес опустился на континент...»

Речь Черчилля послужила началом холодной войны. Она действительно стала точкой отсчета новой истории, поворотным пунктом послевоенной политики.

Конечно, он и сам был не без греха. В молодости, будучи министром, использовал войска для подавления забастовок горняков, организовал интервенцию против Советской республики, расстреливал восставших в колониях, всякое было. Но из всех руководителей западных стран Черчилль, пожалуй, лучше и раньше других понял сущность сталинизма. И сущность демократии, по крайней мере английской демократии. Когда спустя два месяца после празднования победы пришло известие, что кабинет его провалился и он, спаситель Англии, должен подать в отставку, Черчилль выскочил из ванной с криком: «Да здравствует Англия!»

<...>

